

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/22/6

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Николай Николаевич Серегин,
Никита Александрович Константинов,
Александр Викторович Эбель

Аннотация. В статье представлен опыт системного анализа погребального обряда населения Алтая монгольского времени. В связи с тем что археологические памятники региона, датирующиеся в рамках XII–XIV вв. н. э., весьма многочисленны, важной задачей работы стало введение в научный оборот новых материалов раскопок серии захоронений. Установлено, что с учетом этих комплексов на территории Алтая раскопано 26 объектов, демонстрирующих разные стороны обрядовой практики кочевников развитого средневековья. Поэтому в рамках интерпретации имеющихся сведений привлекались результаты раскопок комплексов монгольского времени на сопредельных территориях. Анализ погребальных памятников Алтая XII–XIV вв. н. э. позволил зафиксировать стандартные формы обряда населения региона, предполагавшие возведение небольшой курганный насыпи овальной формы, сооруженной в составе некрополей более раннего времени; погребение человека в колоде или простой могильной яме; ориентировку умершего головой в северный или западный сектор горизонта, а также создание впускных захоронений. Выявлен ряд особенных черт погребальной практики кочевников Алтая, которые отражают неоднородность населения данной территории и могут являться результатом различного рода контактов.

Ключевые слова: погребальный обряд, монгольское время, Алтай, этнокультурные контакты, наземные и внутримогильные конструкции, новые материалы

---

* Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Социальные системы кочевников Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов» (№ 18-78-00083); проекта госзадания Минобрнауки РФ «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№ 33.1971.2017/4.6), а также при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье».

Введение

Монгольское время обоснованно считается кульминационной точкой в развитии обществ кочевников Центральной Азии. Объединения кочевников этого региона играли огромную роль в этнокультурных и социально-экономических процессах, происходивших в данный период на обширных пространствах Евразии. К настоящему времени накоплен значительный объем сведений, демонстрирующих перипетии истории кочевников XII–XIV вв. н. э. Одной из позитивных тенденций последних десятилетий является увеличение археологических материалов монгольского времени, полученных в ходе исследований в различных частях центрально-азиатского региона. Результаты этих работ представлены в серии обобщающих публикаций (Табалдиев 1996: 99–140; Тишкин, Горбунов, Казаков 2002; Николаев 2004; Лхагвасурен 2007; Монголын эртний булш оршуулга 2016: 240–261 и др.). Вместе с тем целый ряд вопросов в рамках данной тематики остается открытым. Их решение связано с проведением целенаправленных полевых исследований, а также комплексным изучением и разноплановой интерпретацией имеющихся сведений.

Одним из регионов, весьма перспективных для реализации таких работ, является Алтай, в развитом средневековье представлявший собой северную окраину Монгольской империи. На сегодняшний день в результате полевых исследований археологов из различных научных центров выявлена и изучена небольшая серия памятников XII–XIV вв. н. э., главным образом погребений (рис. 1), и сформирован определенный опыт интерпретации этих материалов, связанный в основном с анализом различных категорий предметного комплекса кочевников Алтая, выделением этапов культуры, характеристикой процессов социогенеза кочевников, рассмотрением возможности выделения отдельных групп населения (Ефремов 1998, 2002; Тишкин 2005, 2009; Тишкин, Горбунов 2005: 146–153; Горбунов 2006 и др.). Существенным пробелом остается фрагментарность опыта системного изучения погребального обряда, являющегося важным источником для исследования целого ряда сторон истории населения региона монгольского времени. Данная ситуация в значительной степени объясняется ограниченным количеством раскопанных захоронений XII–XIV вв. н. э. Вместе с тем имеющихся материалов достаточно для формирования представления об общих и особенных характеристиках традиций кочевников и определения места некрополей кочевников Алтая в системе памятников монгольского времени Центральной Азии. Именно этому аспекту посвящена настоящая статья. Важно отметить, что возможности полноценного изучения погребального обряда кочевников рассматриваемого региона в последние годы были расширены с получением новых материалов, введение

которых в научный оборот также составляет одну из задач данной работы.

Рис. 1. Карта-схема распространения погребальных комплексов монгольского времени на территории Алтая: 1 – Ак-Алаха-I; 2 – Бертек-20; 3 – Бий-Сёёги; 4 – Бичикту-Бом; 5 – Верх-Еланда-I; 6 – Кудыргэ; 7 – Кызыл-Болчок; 8 – Межелик; 9 – Пазырык; 10 – Талдуаир-I; 11 – Тожон; 12 – Усть-Бийке-III; 13 – Элекмонар-II; 14 – Яконур

Новые сведения о погребальных комплексах монгольского времени на территории Алтая

В последние годы при непосредственном участии авторов статьи были получены новые материалы, которые позволяют дополнить, расширить, а в ряде случаев скорректировать представления об особенностях обрядовой практики населения Алтая в XII–XIV вв. н. э. Эти сведения ранее в кратком виде представлялись в ряде предварительных публикаций (Эбель 2013; Константинов, Эбель 2017; Серегин, Константинов, Марсадолов 2018), однако требуют более развернутого введения в научный оборот и, что более важно, – интерпретации в общем контексте традиций погребально-поминальной обрядности кочевников.

Грунтовое погребение Кызыл-Болчок. Показательный памятник, демонстрирующий ряд ярких характеристик материальной и духовной культуры населения Алтая монгольского времени, изучен экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством Н.А. Константинова в местности Кызыл-Болчок в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник расположен в 5,4 км к северу–северо-западу от с. Кокоря, в северной части Чуйской котловины, на склоне одного из отрогов хребта Чихачева на высоте 2 007 м над уровнем моря.

Комплекс Кызыл-Болчок обнаружен в 2016 г. двумя местными жителями, которые ограбили погребение и передали вещи в кокоринский Историко-этнографический музей теленгитов Чуи. После появления информации в СМИ двум авторам настоящей статьи удалось ознакомиться с предметами, опросить одного из находчиков об условиях обнаружения изделий, а также осуществить первоначальный осмотр разрушенного объекта. Найденные вещи были переданы на временное хранение в Музей археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета для полноценного изучения. Переданные предметы представлены деталями конского снаряжения (железные стремена, удила и пряжка, берестяные обкладки полок седла), вооружения (берестяной колчан с костяными орнаментированными пластинами, древки и наконечники стрел) и некоторыми другими изделиями (Константинов, Эбель 2017). В 2017 г. разрушенное погребение было полностью доисследовано, что позволило уточнить сведения о комплексе и получить новые материалы.

В ходе раскопок установлено, что данный объект представлял собой грунтовое погребение без каких-либо наземных конструкций (рис. 2, 1). Ограбление могилы осуществлено двумя округлыми ямами, которые хорошо фиксировались к моменту проведения работ. Для определения точного места и конфигурации погребения сначала была произведена выборка заполнения южной ямы, которая позволила выявить южную часть погребения. После этого была сделана прирезка в северную сторону. Захоронение было совершено в подовальной яме размерами 2,4×0,9 м и глубиной 1,1 м, вытянутой по линии север–северо-запад – юг–юго-восток. На глубине 40 см в стене ямы обнаружен фрагмент дерева, возможно, представляющий часть перекрытия могилы. На дне ямы находилась колода, выдолбленная из цельного ствола дерева, расширяющаяся в северную сторону. Северный и южный торцы колоды разрушены грабителями. Размеры колоды 2,3×0,61 м, высота 0,4 м. Почти все кости человека перемещены находчиками в центральную часть колоды под нетронутую перемышку грунта между грабительских ям. Лишь в юго-западной части колоды находились кости левой ноги человека, сохранившиеся *in situ*. Положение костей ноги указывает на ориентировку погребенного головой на север–северо-восток (рис. 2, 2).

1

2

Рис. 2. Погребальный комплекс Кызыл-Болчок:
1 – особенности расположения объекта; 2 – вид на захоронение. Фото авторов

При доисследовании найден представительный комплекс сопроводительного инвентаря, оставленный грабителями (рис. 3, 4).

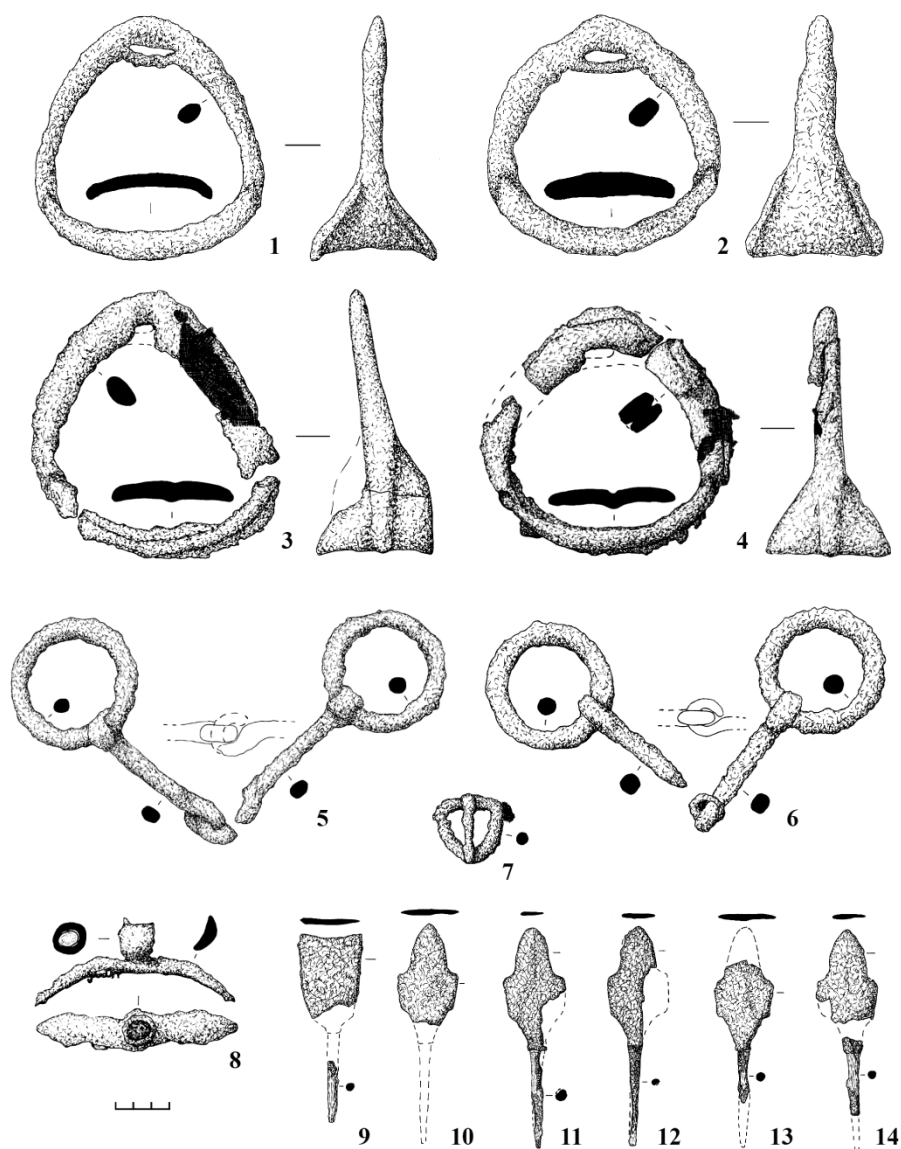

Рис. 3. Находки из погребения Кызыл-Болчок: 1–8 – предметы конского снаряжения; 9–14 – наконечники стрел. Рисунок авторов

На западной стенке колоды зафиксировано хорошо сохранившееся седло, обе луки которого украшены бронзовыми обкладками, а передняя – бронзовой пластиной. Рядом с седлом найдены железные торчанные кольца, два стремена, удила и наносный султанчик. За восточной стороной колоды обнаружены фрагменты деревянной кибиты лука и

срединная костяная накладка. Кроме прочего, зафиксирован фрагмент луки от второго седла, найденного грабителями, а также орнаментированные костяные пластинки от колчана. Именно колчан, обнаруженный в погребении, представляет особый интерес. Насколько нам известно, на Алтае это первая находка подобного изделия, аналогии которому имеются в комплексах монгольского времени, исследованных на обширных территориях (Гаврилова 1965: 73; Федоров-Давыдов 1966: 31; Малиновская 1974: 133; Иванов, Кригер 1988: 13, рис. 10, 1–3; 14, 33–37). Очевидно, в колчане находился набор стрел, от которых сохранились шесть плоских железных наконечников, а также обломки деревянных древков. Помимо обозначенных изделий в могиле обнаружена золотая сережка с бусинкой, фрагменты железных предметов, фрагменты тканей и другие неопределимые находки.

Рис. 4. Находки из погребения Кызыл-Болчок: 1 – элементы колчана; 2 – пластина с передней луки седла; 3 – серега. Фото авторов

На основе многочисленных аналогий обозначенным предметам погребение Кызыл-Болчок может быть уверенно отнесено к монгольскому времени и датировано в рамках XIII–XIV вв. н. э. Наряду с редкой для Алтая находкой берестяного орнаментированного колчана своеобразной характеристикой исследованного объекта является отсутствие наземной конструкции над захоронением. Кроме того, интересно нахождение в погребении двух комплектов снаряжения верхового коня, что в целом не характерно для алтайских погребений монгольского времени.

Одиночный курган Бий-Сёёги. Еще один комплекс, характеризующий ряд особенных сторон погребальной обрядности населения Алтая монгольского времени, был исследован в 2011 г. экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством А.В. Эбея. Одиночный курган расположен в центральной части Чуйской котловины, в 15 км к югу от с. Кош-Агач, в 3 км к западу от горы Джалгыз-Тебе, в урочище Кара-Тал. Объект, представляющий собой округлую каменную насыпь диаметром 33,6 м, находится на вершине невысокого холма. В центре сооружения наблюдалась западина диаметром 10,5 м, глубиной 1,3 м. С северо-западной, западной и восточной сторон насыпи прослеживались большие отвалы – выброс из грабительской ямы. Первоначальный вид кургана сильно пострадал: по словам очевидцев, часть камней изъяли в советское время для строительных работ; в северной и южной частях насыпи кургана прослеживаются площадки под экскаватор. В процессе зачистки западной стенки грабительской ямы была выявлена высота насыпи в 1 м.

Зачистка грабительской ямы не позволила определить реальные размеры могилы в связи с сильными разрушениями, поэтому работы велись по контуру грабительского раскопа. При выборке заполнения на различной глубине обнаружены разрозненные кости человека, бревна от погребальной камеры, а также фрагменты железных стремян. На дне могильной ямы, глубина которой составила 364 см, зачищены остатки сруба с колодой (рис. 5, 1). Судя по хорошо сохранившейся восточной части сруба и по углам чашек на бревнах, данная конструкция имела вытянуто-прямоугольную форму, размеры которой составляли 3,4×1 м. Сруб состоял из отесанных бревен диаметром от 12 до 17 см (предположительно из лиственницы) и имел пять стенок: боковые (северная и южная по три бревна в стенке), западная, северо-восточная и юго-восточная (по два бревна в стенке). Длина боковых стенок сооружения составляла 3,1 м, западной – 1,5 м. Боковые и западная стенки сруба стыковались чашками под прямым углом. Северо-восточная и юго-восточная стенки имели длину 1,3 м каждая; бревна соединялись между собой под прямым углом, в свою очередь, с боковыми стенками они состыкованы под углом 45 градусов.

Колода размерами 2,65×0,67×0,32 м, выполненная из комлевой части ствола дерева (лиственница), была внутри сруба. Судя по имеющимся данным, в ней находилось захоронение человека, ориентированного в западный сектор горизонта. В разных частях колоды в беспорядке обнаружены отдельные кости покойного, а также фрагменты изделий из ткани, железа и дерева.

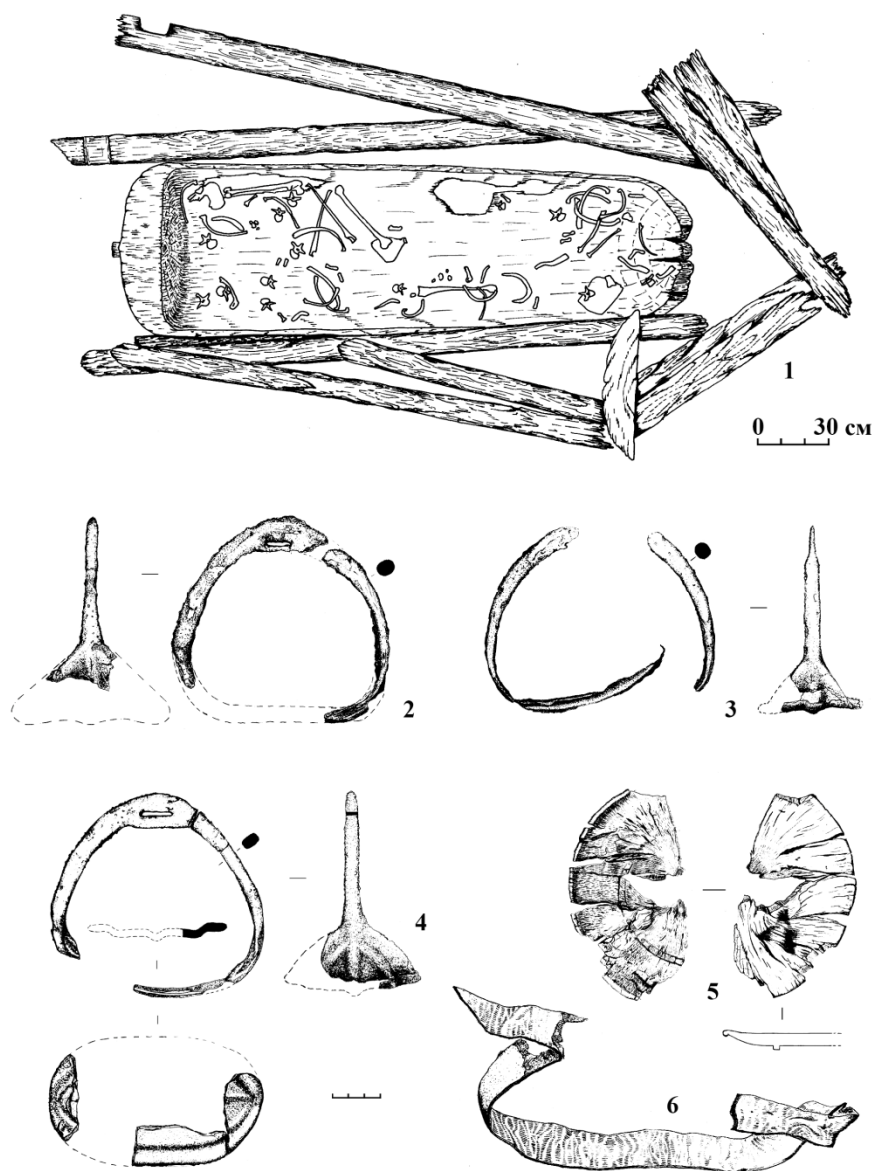

Рис. 5. Погребальный комплекс Бий-Сёёги: 1 – внутримогильная конструкция; 2 – предметы из захоронения. Рисунок авторов

Обработка полученных материалов показала, что в ограбленном погребении кургана Бий-Сёёги находились фрагменты трех стремян, часть кожаного ремешка, остатки материи, части деревянного блюда, железные кованые гвозди и фрагменты предметов непонятного назна-

чения (рис. 5, 2–6). На блюде, которое, судя по всему, имело крышку, зафиксирован отпечаток астрагала. Облик изделий, наиболее показательными из которых являются стремена, позволяет отнести исследованный комплекс к монгольскому времени и датировать в рамках XIII–XIV вв. н. э. Отличительными показателями объекта являются выдающиеся размеры курганной насыпи, не характерные для развитого средневековья, а также своеобразная конструкция погребальной камеры.

Впускное захоронение из комплекса Пазырык. Появление новых материалов развитого средневековья в последние годы связано не только с недавними полевыми исследованиями, но также и с введением в научный оборот результатов изысканий прошлых лет, по разным причинам не опубликованных и остающихся за рамками внимания специалистов. В ходе работы, проведенной авторами настоящей статьи с музейными коллекциями и отчетной документацией, выявлен объект монгольского времени, раскопанный в 1967 г. С.С. Сорокиным на известном комплексе Пазырык в Восточном Алтае.

Объект № 21, расположенный к западу от «царского» кургана скифо-сакского времени № 5, представлял собой каменную насыпь округлой формы диаметром 8 м и высотой 0,4 м. В центре кургана фиксировалась небольшая западина. Под центральной частью насыпи на глубине 0,1–0,2 м от дневной поверхности выявлено впускное захоронение лошади, ориентированной в западном направлении и уложенной, судя по всему, на правый бок (рис. 6, 1). Сохранность костей животного была плохой. В зубах лошади находились железные удила с кольчатыми псалями (рис. 6, 2). Других находок, а также каких-либо конструкций в ходе исследований не обнаружено. Под насыпью и погребением С.С. Сорокиным осуществлен контрольный перекоп на глубину 1,7 м и зафиксирован нетронутый грунт.

Судя по имеющимся сведениям, объект № 21 представлял собой «ритуальный» курган, изначально не содержавший погребения и возведенный в рамках реализации поминального обряда населением пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Подобные сооружения, известные на многих памятниках Алтая, демонстрируют особенности обрядовой практики кочевников различных хронологических периодов. Спустя более чем тысячелетие, в развитом средневековье, в курган № 21 было «впущено» захоронение лошади. Датировка обозначенного объекта основывается на определении времени бытования единственной находки – удила с кольчатыми псалями. Подобные изделия наиболее характерны для комплексов монгольского времени и получили распространение в XII–XIV вв. н. э. на обширных территориях (Ефремов 1998: 160; Тишкин, Горбунов, Казаков 2002: 66–67 и др.).

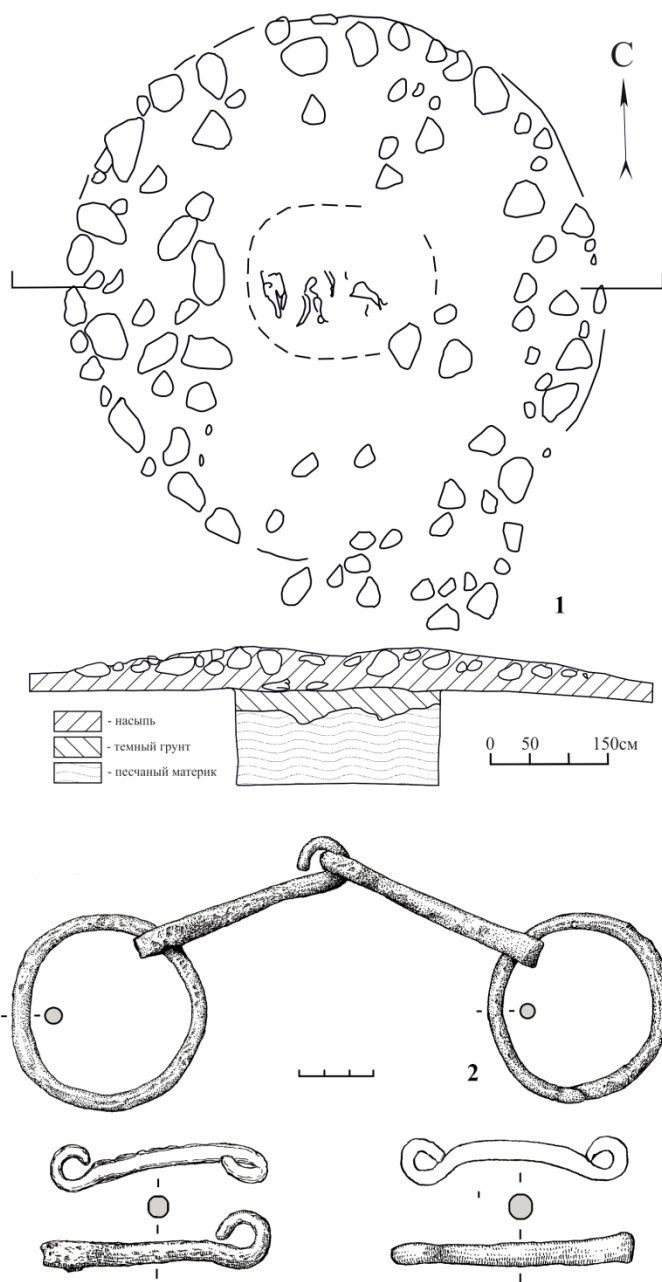

Рис. 6. Курган № 21 могильника Пазырык с впускным захоронением лошади:
 1 – план и разрез кургана; 2 – удила и псалии из впускного захоронения.

Рисунок авторов

Полученные сведения об обряде захоронения расширяют имеющиеся представления о традициях населения Алтая развитого средневековья. В частности, полученные материалы подтверждают существование на Алтае в монгольское время традиции создания «самостоятельных» захоронений лошадей, при сооружении которых могли осуществляться особые ритуальные действия.

Общие и особенные характеристики погребального обряда кочевников Алтая XII–XIV вв. н. э.

С учетом новых материалов, представленных в настоящей статье, можно уверенно говорить о раскопанных на территории Алтая 26 объектах, демонстрирующих разные стороны обрядовой практики кочевников в XII–XIV вв. н. э. Очевидно, что эта цифра весьма незначительна, особенно по сравнению с накопленным объемом материалов более ранних периодов и, скорее всего, не отражает реальной степени заселенности Алтая в развитом средневековье. Поэтому в рамках интерпретации имеющихся сведений целесообразным представляется привлечение результатов раскопок комплексов монгольского времени на сопредельных территориях, по понятным причинам показывающих близкие традиции обрядовой практики и материальной культуры. С учетом данного обстоятельства сформированного объема материалов оказывается достаточно для понимания общих и особенных характеристик погребально-поминальной обрядности кочевников Алтая в XII–XIV вв. н. э.

Особенности распространения, топографии и планиграфии погребений. Картография объектов показывает, что некрополи кочевников монгольского времени исследованы в нескольких районах Алтая и не концентрируются в одной области (см. рис. 1). Заметно полное отсутствие раскопанных захоронений в юго-западной части региона и «пустые» территории в центре. При этом очевидно, что такая локализация погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. Нет сомнений, что в ходе дальнейших полевых исследований, а особенно при условии реализации целенаправленных работ, включающих поиск, фиксацию и раскопки объектов монгольского времени, количество погребений существенным образом увеличится и имеющаяся картина локализации памятников будет скорректирована.

В абсолютном большинстве случаев погребения монгольского времени на территории Алтая сооружены на площади уже существовавших погребально-поминальных комплексов. К этой группе объектов относятся впускные захоронения, совершенные в насыпях более раннего времени, а также погребения под курганной насыпью. Подобная ситуация зафиксирована на памятниках Ак-Алаха-I, Верх-Еланда-I, Ку-

дыргэ, Межелик, Пазырык, Талдуаир-I, Усть-Бийке-III, Яконур (Гаврилова 1965: 44–45; Кирюшин, Неверов, Степанова 1990: 225–229, 233; Берс, Худяков 1994: 64; Полосьмак 1994: 19; Кубарев 2005, табл. 96; Нестеров, Милютин 1995: 163–165; Кочеев, Ларин, Худяков 1996: 152–153; Тишкин, Горбунов 2005: 45–53, 70–73; Тишкин 2009: 183–191). Отметим, что традиция сооружения захоронений на месте древних некрополей или в непосредственной близости от них в целом характерна для обрядовой практики населения развитого средневековья и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях центрально-азиатского региона (Эрдэнэбат 1998; Харинский 2001: 76–78; Амартувшин и др. 2015: 278–311; и др.).

Исследователями уже рассматривались характерные особенности расположения объектов XII–XIV вв. н. э. на отдельных могильниках, которые могут свидетельствовать о воплощении реального образа жизни (в частности, устройства и использования юрты) в погребальном обряде (Тишкин 2005: 318). Некоторые закономерности другого плана наблюдаются при рассмотрении материалов комплекса Кудыргэ. Раскопанные захоронения монгольского времени на данном памятнике локализуются в рамках двух групп, расположенных на северном (могилы 14, 17) и южном (объекты 19–21) холмах урочища (Гаврилова 1965: 44, табл. II). При этом «северные» погребения отличаются довольно представительным инвентарем (предметы вооружения, импортные изделия, украшения и др.), а «южные» включают ограниченный набор вещей. Вероятно, в данном случае планиграфия могил отражает существование двух родовых (?) групп с различным статусом в социуме номадов Алтая, представители которых хоронили умерших в максимально удаленных друг от друга частях некрополя.

В литературе неоднократно отмечались «требования», предъявляемые кочевниками монгольского времени к месту погребения (Николаев 2004: 104–107; Тишкин 2005: 318–319). В связи с имеющимися сведениями можно предположить, что если захоронение совершено на месте уже существовавшего некрополя, то могильники более раннего времени соответствовали этим условиям. В противном случае номадами сооружались одиночные объекты, расположенные в отдалении от других памятников. Примерами таких комплексов являются женское захоронение Бертек-20, скальное погребение Тожон (Кочеев 1983: 153; Молодин, Соловьев 1994: 152–155), а также грунтовая могила Кызыл-Болчок. К этой группе следует также отнести одиночный курган Бий-Сёёги, однако с существенной поправкой на то, что в данном случае объект сооружен не в каком-либо укромном и малоприметном месте, а на вершине небольшой возвышенности, на открытой местности. Учитывая обозначенные ранее характеристики данного комплекса, такое расположение могло демонстрировать определенное положение умершего человека при жизни.

Погребальные сооружения. Наземные конструкции, возводимые кочевниками Алтая монгольского времени над погребениями, чаще всего представляли собой небольшие каменные насыпи, которые в большинстве случаев имели овальную форму. Такие сооружения малозаметны, что, вероятно, является одной из причин небольшого количества раскопанных объектов рассматриваемого периода. Небольшие овальные конструкции можно считать характерным маркером погребений монгольского времени на обширных пространствах центрально-азиатского региона. Подобные наземные сооружения зафиксированы при изучении некрополей XII–XIV вв., раскопанных на сопредельных территориях (Табалдиев 1996: 100–101; Кириллов, Ковычев, Кириллов 2000: 76; Николаев 2004: 107; Лхагвасурен 2012: 394; и др.). В этом плане исключение составляет представленный ранее одиночный курган Бий-Сёёги, серьезным образом выделяющийся размерами курганной насыпи.

Наряду с наиболее распространенными курганными объектами на Алтае обнаружены грунтовые захоронения. К настоящему времени известны всего два таких комплекса монгольского времени, изученные на памятниках Бичикту-Бом (Берс, Худяков 1994: 64) и Кызыл-Болчок. В обоих случаях какие-либо наземные конструкции над захоронением отсутствовали. Вполне вероятно, незначительное количество грунтовых захоронений объясняется сложностью обнаружения таких объектов, не фиксируемых на поверхности, а сама традиция получила гораздо большее распространение в XII–XIV вв. н. э. Также нельзя исключать, что подобные комплексы являются подтверждением известных сведений письменных источников о «тайных» погребениях монголов, не предполагавших сооружения наземных конструкций (Джиованни дель Плано Карпини 1957: 32–33; Юрченко 2007: 162–166).

Отдельную группу объектов развитого средневековья на Алтае составляют впускные захоронения. Погребения XII–XIV вв. н. э., совершенные в курганных насыпях более раннего времени, зафиксированы на памятниках Ак-Алаха-I (Полосьмак 1994: 19, рис. 10–11; Молодин и др. 2004: 65), Верх-Еланда-I (Кирюшин, Неверов, Степанова 1990: 223, рис. 10, 1–3, 7), Пазырык (Серегин, Константинов, Марсадолов 2018), Талдуаир-I (Кубарев 2005, табл. 96), Яконур (Грязнов 1940; Тишкин 2009: 184–190). Чаще всего захоронения «впущены» в комплексы скифской эпохи, в одном случае использовано сооружение раннего средневековья. Следует отметить, что данная традиция в целом характерна для памятников Центральной Азии XII–XIV вв. н. э. и зафиксирована на различных территориях (Могильников 1981: 194). Судя по имеющимся материалам, подобные объекты сооружались населением Алтая и в более позднее время (Худяков 1999; Кубарев 2007: 293–294; и др.).

Как показал общий анализ впускных погребений, относящихся к различным периодам в истории Алтая, появление таких комплексов может объясняться рядом обстоятельств – например, нестабильностью политической ситуации, низким статусом умершего, условиями его смерти (Тишкин, Матренин 2010: 297–299; Серегин 2016: 43). В большинстве случаев впускные захоронения монгольского времени включали крайне ограниченный набор предметов, что косвенно указывает на социальный фактор распространения таких объектов.

Другой характерной группой памятников монгольского времени являются скальные погребения. На Алтае пока известен только один такой комплекс, обнаруженный в урочище Тожон (Кочеев 1983). При этом в последние десятилетия на территории Монголии выявлена целая серия скальных захоронений XII–XIV вв. н. э., демонстрирующих значительные перспективы проведения целенаправленных работ по поиску и комплексному изучению подобных объектов (Эрдэнэбат, Хүрэлсүх 2007; Эрдэнэбат, Амартувшин 2010; Хурэлсүх 2012; Ahrens, Piezonka, Nomguunsuren 2015 и др.).

Сложение традиции сооружения скальных захоронений у кочевников центрально-азиатского региона фиксируется, по крайней мере, с IV–VI вв. н. э. (Кызласов 1986, рис. 10; Тувшинжаргал, Баярсайхан 2017). Судя по имеющимся материалам, количество таких объектов резко увеличилось в конце I – начале II тыс. н. э. (Худяков, Кочеев, Моносов 1996; Соенов и др. 2002; Хурэлсүх, Мунхбаяр 2004; Кубарев 2005: 372; Турбат и др. 2008; Хурэлсүх 2008; Törbat et al. 2009; Турбат, Батсүх, Батбаяр 2010; Мөнхбаяр и др. 2016; и др.). Решение вопроса о причинах распространения скальных захоронений в это время, а также анализ подобных комплексов развитого средневековья требуют проведения специального исследования. По мнению С. Хурэлсуха (2012: 84–86), обобщившего материалы раскопок скальных погребений Монголии различных хронологических периодов, их появление в большинстве случаев связано со стремлением верхушки общества номадов создать «секретное» захоронение, что было обусловлено нестабильностью военно-политической ситуации в регионе.

Традиции обрядовой практики населения Алтая монгольского времени предполагали различные варианты оформления погребальной камеры. В большинстве случаев какие-либо сооружения отсутствовали или не выявлены в связи с их плохой сохранностью. При этом в ходе раскопок серии могил выявлена колода, которая в отдельных случаях сопровождалась дополнительными конструкциями. Примерами таких комбинаций являются помещение колоды в подбой (Берс, Худяков 1994: 64), а также возведение вокруг нее пятиугольного сруба (см. рис. 5, 1). Кроме того, в некоторых захоронениях XII–XIV вв. н. э. отмечены свидетельства наличия перекрытия, обкладки могилы, а также

использования бересты (Гаврилова 1965: 45; Тишкин 2009: 178–179). Следует отметить, что различные деревянные конструкции в целом характерны для погребальной практики населения центрально-азиатского региона монгольского времени (Табалдиев 1996: 103–104; Николаев 2004: 116–120; Савинов, Длужневская 2007: 164; Лхагвасурэн 2012: 394; Харинский и др. 2012: 472; и др.).

Несмотря на то что погребение в подбое обнаружено только однажды при раскопках памятников развитого средневековья на Алтае, данный случай заслуживает специального рассмотрения. Известны сведения письменных источников о том, что в середине XIII в. для захоронения представителей знатных родов монгольского общества в могильной яме делали боковую нишу (Джиованни дель Плано Карпини 1957: 32–33). На основании этих материалов некоторые исследователи называли погребения в подбое, раскопанные на различных территориях, среди отличительных признаков обрядности монголов (Федоров-Давыдов 1966: 160; Именхоев, Коновалов 1985: 83–84). В центрально-азиатском регионе подобные объекты получили наибольшее распространение в XII–XIV вв. н. э. на территории Тянь-Шаня (Табалдиев 1996: 104–105), а также в Западном Забайкалье (Именхоев, Коновалов 1985: 83–84) и Монголии (Лхагвасурэн 2012: 394). Для кочевников Алтая данная традиция не характерна, хоть и фиксируется начиная с раннего железного века. К примеру, в ходе раскопок некрополей тюрок раннего средневековья в данном регионе выявлен всего один случай захоронения в подбое (Молодин, Новиков, Соловьев 2003: 73, рис. 6). Возвращаясь к рассмотрению объектов монгольского времени, отметим, что комплекс Бичикту-Бом, на котором исследована могила с боковой нишей, выделяется и рядом других признаков – прежде всего, отсутствием курганной насыпи и наличием в захоронении костей лошади (Берс, Худяков 1994: 64). Представительный инвентарь, включавший многочисленные украшения и предметы импорта, позволяет предположить, что погребенная женщина имела довольно высокий статус в обществе номадов Алтая монгольского времени. Данное обстоятельство может являться и основным объяснением специфики реализованного обряда. Данное предположение косвенно подтверждается наблюдением Х. Лхагвасурена (2012: 394) о том, что все могилы с подбоем, исследованные в Монголии, заметно отличались «богатством» сопроводительного инвентаря.

Погребальный ритуал. По сравнению с достаточно высокой степенью вариабельности наземных и внутримогильных конструкций погребальный ритуал населения Алтая монгольского времени представляется весьма унифицированным. Наибольшей степенью «стандартизации» характеризуется такой признак, как способ захоронения. Все погребения, материалы раскопок которых позволили зафиксировать изначально

ную ситуацию, совершены по обряду ингумации, а умершие уложены на спине в вытянутом положении.

Несколько большее разнообразие зафиксировано при изучении традиций ориентировки погребенных людей по сторонам горизонта. В большинстве могил умершие были направлены головой на север. При этом в ряде захоронений отмечены западная ориентировка, а также «промежуточное» северо-западное направление, очевидно, связанное с сезонными отклонениями в положении солнца. Таким образом, материалы раскопок погребений кочевников Алтая монгольского времени достаточно четко позволяют зафиксировать существование двух традиций в реализации рассматриваемого показателя обрядовой практики. Похожая ситуация отмечена и на сопредельных территориях. Практически во всех частях центрально-азиатского региона в захоронениях кочевников XII–XIV вв. н. э. северная ориентировка умерших являлась преобладающей (Табалдиев 1996: 106; Николаев 2004: 121; Лхагвасурен 2012: 394; Амартувшин и др. 2015: 278–311; и др.). При этом на отдельных некрополях выделяется направление погребенных головой на запад (Табалдиев 1996: 106; Николаев 2004: 121). На соседней территории Лесостепного Алтая западная ориентировка вообще является преобладающей (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002: 135–136). Обозначенные обстоятельства позволяют рассматривать вопрос о неоднородности населения обширного региона в монгольское время и возможном взаимном влиянии различных по культурным характеристикам групп кочевников.

Общей характеристикой погребальной практики населения Алтая монгольского времени является отсутствие рядом с умершим человеком сопроводительного захоронения лошади. По этому показателю традиции кочевников XII–XIV вв. н. э. серьезным образом отличаются от обрядности кочевников региона более ранних периодов. Единственным исключением среди объектов монгольского времени является комплекс Бичикту-Бом, в котором зафиксированы кости коня, что, по мнению Ю.С. Худякова, могло являться свидетельством наличия в могиле шкуры животного (Берс, Худяков 1994: 65). Не исключено, что данный элемент обряда демонстрирует контакты населения горной части Алтая с более северными территориями, где в синхронных комплексах зафиксированы случаи реализации подобной традиции (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002: 136; Зинченко 2013). Вместе с тем этнокультурная интерпретация средневековых захоронений со шкурой коня, раскопанных в различных частях Северной и Центральной Азии, остается дискуссионной – такие комплексы рассматриваются как тюркские, уйгурские, кыпчакские, огузские, кимакские и др. (Нестеров 1990: 63–67; Худяков 1994; Могильников 2002: 123; Васютин, Онищенко 2008; Илюшин 2010; Амзараков и др. 2015 и др.).

Несмотря на отсутствие останков коней в погребениях, очевидно, что лошадь имела большое значение в обрядовой практике населения Алтая монгольского времени. Об этом свидетельствует не только стабильное присутствие предметов конского снаряжения в захоронениях XII–XIV вв. н. э., но также существование традиции создания отдельных захоронений животных. К настоящему времени выявлено всего два таких объекта, раскопанных на памятниках Кудыргэ (Нестеров, Милютин 1995: 163–164, рис. 8–9) и Пазырык (рис. 6). Аналогии обозначенным комплексам известны в материалах раскопок некрополей монгольского времени на территории Прибайкалья (Николаев 2004: 123–133).

Состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного в ходе раскопок погребальных комплексов кочевников Алтая монгольского времени, требует подробного рассмотрения в рамках отдельной публикации. Несмотря на незначительное количество известных объектов, имеющиеся материалы демонстрируют возможности осуществления социальных реконструкций, в частности фиксации гендерной и имущественной дифференциации населения региона в XII–XIV вв. н. э.

Заключение

Анализ материалов раскопок археологических памятников кочевников Алтая XII–XIV вв. н. э. позволяет определить характерные элементы погребального обряда населения региона. Стандартный набор показателей включает небольшую курганный насыпь овальной формы, сооруженную в составе некрополей более раннего времени; захоронение человека в колоде или простой могильной яме; ориентировку умершего головой в северный или западный сектор горизонта. Выделяется серия впускных погребений, совершенных в наземных конструкциях уже существовавших объектов. Обозначенный набор признаков находит многочисленные аналогии в материалах комплексов монгольского времени на обширных территориях, демонстрируя высокую степень унификации обрядовой практики кочевников XII–XIV вв. н. э. Вместе с тем выявлен ряд особенных черт обряда кочевников Алтая, которые отражают неоднородность населения региона и могут являться результатом различного рода контактов с другими группами населения.

Важно отметить, что результаты изучения некрополей Алтая монгольского времени наглядно демонстрируют резкую смену традиций погребальной практики по сравнению с комплексами раннего средневековья. Это находит подтверждение практически во всех элементах обряда, наиболее показательными из которых являются наземные конструкции, ориентировка умерших, а также отсутствие сопроводительного захоронения лошади. Материалы раскопок археологических памятников согласуются с известными сведениями письменных источни-

ков о распространении племен найманов в XII в. и включении Алтая и сопредельных территорий в состав Монгольской империи в начале XIII в.

Археологические комплексы монгольского времени наиболее наглядно показывают перспективы осуществления полевых исследований в различных частях Алтая. Нет сомнений, что в ходе дальнейших работ полученные результаты анализа погребального обряда будут расширены и скорректированы. Это демонстрируют представленные в статье материалы исследований новых комплексов, каждый из которых дополняет характеристику общих и особенных показателей погребального обряда кочевников Алтая монгольского времени.

Список сокращений

БНЦ – Бурятский научный центр
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
 ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
 КемГУ – Кемеровский государственный университет
 МГУ – Московский государственный университет
 СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

Литература

- Амартувишин Ч., Батболд Н., Эрэгзэг Г., Батдалай Б. Чандмань Хар уулын археологичин дурсгал [Археологический комплекс Чандмань Хар уул]. Улаанбаатар, 2015.
- Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.
- Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая: сб. статей / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 63–71.
- Васютин А.С., Онищенко С.С. Некоторые вопросы интерпретации погребений со «шкурами» лошадей на юге Западной Сибири в VIII–XIV вв. // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: сб. статей / отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 96–98.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Джиованни дель ПIANO Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957.
- Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I-й пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. статей / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 159–169.

- Ефремов С.А. Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума: сб. статей / отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 99–109.
- Зинченко А.С. Обряд погребения «шкуры лошади» по материалам кургана 1 (XIII–XIV века) Басандайского могильника (Томское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 134–145.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988.
- Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, этнографии и антропологии. 2010. Вып. 1 (12). С. 97–106.
- Именхоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи: сб. статей / отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–86.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000.
- Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь: сб. статей / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.
- Константинов Н.А., Эбель А.В. Новые находки монгольского времени из Юго-Восточного Алтая (предварительное сообщение) // Теория и практика археологических исследований. 2017. Вып. 2. С. 22–29.
- Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае: сб. статей / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 153–162.
- Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Охранные раскопки могильника Межелик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. статей / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 150–153.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.
- Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: сб. статей / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 293–297.
- Кызласов И.Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая: сб. статей / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.
- Лхагвасурен Х. Монголы археологи (Чингэс хааны уе) [Археология Монголии периода Чингисхана]. Улаанбаатар: Чингэс хаан дээд сургуулийн, 2007.
- Лхагвасурен Х. История изучения средневековых (XII–XIV вв.) погребальных комплексов в Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: сб. статей / отв. ред. Д. Эрдэнэбаатар. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3, т. 2. С. 392–395.
- Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века: сб. статей / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / под ред. С.А. Плетневой. М.: Наука, 1981. С. 28–43.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2. С. 71–86.

- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай): сб. статей / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. С. 152–156.
- Монголын эртний булш оршуулга [Древние погребения Монголии]. Улаанбаатар: Монголу улсын шинжлэх ухааны академи, 2016.
- Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс [Предварительные результаты исследования скального погребения Узуур гялан] // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар [Гора Мунххайрхан, река Булган – великие национальные достоияния]: сб. статей / отв. ред. Т. Лхагвадорж. Улаанбаатар, 2016. С. 164–187.
- Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.
- Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: сб. статей / отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 156–177.
- Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-гальчинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004.
- Полосьмак Н.В. «Стерегищие золотого грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994.
- Савинов Д.Г., Длужневская Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2007.
- Серегин Н.Н. Впускные погребения тюрок Алтая и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2 (14). С. 37–47.
- Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадалов Л.С. Впускное захоронение монгольского времени из комплекса Пазырык (по материалам раскопок С.С. Сорокина в 1967 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 3. С. 96–107.
- Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая: сб. статей / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. № 9. С. 117–124.
- Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996.
- Тишкин А.А. Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии: сб. статей / отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 317–322.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
- Тишкин А.А., Матренин С.С. Впускные погребения кочевников Алтая поздней древности // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: сб. статей / отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 297–299.
- Тувшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан үнээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн түүхэн хөгжлийн асуудалд [Скальное погребение Урд улаан: проблемы изучения

- эволюции седел] // Нуудэлчдийн өв судлал [Наследие кочевой цивилизации]. 2017. Т. XVIII. С. 79–93.
- Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: сб. статей / отв. ред. А.Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. С. 264–265.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966.
- Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001.
- Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: сб. статей / отв. ред. Д. Эрдэнэбаатар. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3, т. 2. С. 392–395.
- Худяков Ю.С. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетие н. э.: сб. статей / отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. С. 85–95.
- Худяков Ю.С. Позднесредневековое впускное погребение на могильнике Кок-Эдиган // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность: сб. статей / отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1999. С. 180–193.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 46–53.
- Хүрэлсүх С. Монгол нутах дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал [Проблемы изучения скальных погребений Монголии] // Археологийн судлал [Археологические исследования]. 2008. Т. XXVI. С. 293–310.
- Хүрэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал [Основные аспекты исследования скальных погребений]. Улаанбаатар, 2012.
- Хүрэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд [Скальные погребения Рашаантын ам и Цанхир] // Acta Historica. 2004. Т. V. С. 20–30.
- Эбель А.В. Исследования в урочище Кара-Тал // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае, 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история: сб. статей / отв. ред. М.А. Демин. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2013. Вып. 8. С. 89–96.
- Эрдэнэбат У. Эгийн голын савд малтсан монгол булшны тухайд [Погребальные комплексы монгольского времени на р. Эгийн-гол] // Археологийн суудлал. 1998. Т. XVIII. Т. 135–152.
- Эрдэнэбат У., Амартувшин Ч. Дугуй Цахирын хадны оршуулга (X–XII зуун) [Скальное погребение Дугуй Цахир, X–XII вв.]. Улаанбаатар, 2010.
- Эрдэнэбат У., Хүрэлсүх С. Нартын хадны оршуулга [Скальное погребение Нартын] // Археологийн судлал [Археологические исследования]. 2007. Т. XXIV. Т. 332–359.
- Юрченко А.Г. Средневековые монгольские погребения: соотношение этнического и имперского // Теория и практика археологических исследований: сб. статей / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 159–176.
- Ahrens B., Piezonka H., Nomguunsuren G. Buried with his bow and arrows: The exceptional cave burial of a 14th century warrior at Tsagaan Khad mountain, Mongolia // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Vol. 3: Historical Period / ed. T.La. Huh-Hot: Museum of Inner Mongolia, 2015. P. 683–692.
- Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia / ed. J. Bemann. Bonn, 2009. P. 365–383.

Seregin Nikolay N., Konstantinov Nikita A., and Ebel Aleksandr V.

THE ALTAI POPULATION'S BURIAL RITE IN THE MONGOLIAN PERIOD: NEW MATERIALS, RESULTS, AND RESEARCH PROSPECTS*

DOI: 10.17223/2312461X/22/6

Abstract. The article presents a systematic analysis of the Altai population's burial rite practiced during the Mongolian time. The number of the Altai archaeological sites dated to the 12th to the 14th centuries AD is very small, and introducing the academic community to new archaeological materials from the region is considered by the authors to be an important task. It is established that 26 objects dated to the period in question have been excavated in the Altai territory. The excavation sites demonstrate different aspects of the nomads' ritual practice adhered to in the Middle Ages. The analysis of the Altai burials allowed to firmly establish the standard forms of the rite which included the creation of a small oval mound within the necropolises of earlier times, the burial of a person in a wooden log or a simple grave pit, the orientation of the head of the deceased northwards or westwards, and the creation of new burials within the previously made mound. A number of special features of the Altai burial practice have been revealed which reflect the heterogeneity of the local population and may have resulted from population contacts of various kinds.

Keywords: burial rite, Mongolian period, Altai, ethno-cultural contacts, ground and in-grave constructions, new materials

* The research was conducted under the Russian Science Foundation project 'Social systems of Altai nomads in the Early Iron Age and Middle Ages: a statistical and contextual analysis of archeological materials' (project No. 18-78-00083), as well as under the project commissioned by the Russian Ministry of Education and Science, titled 'Economic and social adaptation of man to environmental conditions in the Altai mountains in the second half of the Holocene' (project No. 33.1971.2017/4.6), and with financial support from the Russian President grant No. MK-1837.2017.6, titled 'Studying archeological complexes of the southeastern Altai in the context of reconstruction of human exploration of mountainous landscapes in the Early Iron Age and Middle Ages'.

References

- Amartuvshin Ch., Batbold N., Eregzeg G., Batdalai B. *Chandman' Khar uulyn arkheologiiin dursгал* [The archaeological complex of Chandman' Khar uul]. Ulaanbaatar, 2015. (in Mongolian)
- Amzarakov P.B., Lazaretov I.P., Mit'ko O.A., Poliakov A.V. Etnokul'turnaia prinadlezhnost' srednevekovogo zakhoroneniia so shkuroi konia v doline reki Idzhim v Zapadnom Saiane [Ethno-cultural attribution of the medieval burial site featuring horsehide in the Idzhim River valley of the Western Sayan], *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriia, filologiya*, 2015, Vol. 14, no. 7, pp. 151–164.
- Bers E.M., Khudiakov Iu.S. Pogrebenie u s. Bichiktu-Bom [The burial site near the village of Bichiktu-Bom]. In: *Arkheologiiia Gornogo Altaia: Sb. statei. Otv. red. Iu.F. Kiriushin* [The archaeology of Gornyy Altai: a collection of papers edited by Yu.F. Kiryushin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994, pp. 63–71.
- Vasiutin A.S., Onishchenko S.S. Nekotorye voprosy interpretatsii pogrebenii so «shkurami» loshadei na iuge Zapadnoi Sibiri v VIII–XIV vv. [Some questions regarding the interpretation of burial sites featuring 'horsehide' in the south of Western Siberia in the 8th to the 14th centuries]. In: *Vremia i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii: Sb. statei. Otv. red. L.A. Chindina* [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and contemporary societies of Western

- Siberia and adjacent territories: issues of interpretation and reconstruction. A collection of papers edited by L.A. Chindina]. Tomsk: Agraf-Press, 2008, pp. 96–98.
- Gavrilova A.A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [The burial ground of Kudyrge as a source on the history of the Altaian peoples]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.
- Gorbunov V.V. *Voennoe delo naseleniia Altaia v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [The military activity of the Altai population in the 3rd to the 14th centuries. Part 2: Offensive weapons]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006.
- Griaznov M.P. Raskopki na Altae [Excavations in Altai]. In: *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The State Hermitage Museum's collection of materials]. Leningrad, 1940, Vol. I, pp. 17–21.
- Dzhiovanni del' Plano Karpini. *Istoriia mongalov. Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [The history of the Mongols. Plano Carpini and Rubrouck's journeys to the East]. Moscow: Gos. izd-vo geograficheskoi literatury, 1957.
- Efremov S.A. Snariazhenie verkhovogo konia u altaiskikh kochevnikov 1-i pol. II tys. n.e. (klassifikatsiia i tipologiia) [The Altai nomads' way of equipping the horse in the first half of the second millennium AC (classification and typology)]. In: *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e: Sb. statei. Otv. red. Iu.F. Kiriushin* [Equipping the horse in Altai in the Early Iron Age and Middle Ages: a collection of papers edited by Yu.F. Kiriushin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, pp. 159–169.
- Efremov S.A. Pogrebal'nykh obriad altaiskikh plemen v XI–XIV vv. [The Altai peoples' burial rite in the 11th to the 14th centuries]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma: Sb. statei. Otv. red. N.A. Tomilov* [Ethnographic and archaeological complexes: issues of culture and society. A collection of papers edited by N.A. Tomilov]. Novosibirsk: Nauka, 2002, Vol. 5, pp. 99–109.
- Zinchenko A.S. Obriad pogrebeniia «shkury loshadi» po materialam kurgana 1 (XIII–XIV veka) Basandaiskogo mogil'nika (Tomskoe Priob'e) [The 'horsehide' burial rite according to the materials from the 13th to 14th century burial mound 1 on the Basandayskiy burial site (Tomsk Ob region)], *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2013, no. 4 (56), pp. 134–145.
- Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Burial mounds of the Kypchak period in the South Urals (the 12th to the 14th centuries)]. Moscow: Nauka, 1988.
- Iliushin A.M. K voprosu o kypchakskom komponente v kul'ture srednevekovogo naseleniia Kuznetskoi kotloviny (po materialam raskopok Shabanovo-9) [On the Kypchak component in the culture of the mediaeval population inhabiting the Kuznetsk Depression (based on the Shabanovo-9 excavation materials)], *Vestnik arkheologii, etnografii i antropologii*, 2010, Vol. 1 (12), pp. 97–106.
- Imenkhoev N.V., Konovalov P.B. K izucheniiu pogrebal'nykh pamiatnikov mongolov v Zabaikal'e [On the study of the Mongol burial sites in the Transbaikalian region]. In: *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi: Sb. statei. Otv. red. P.B. Konovalov* [The Transbaikalian region in ancient times and its cultural ties: a collection of papers edited by P.B. Konovalov]. Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 69–86.
- Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. *Darasunskii kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov. Vostochnoe Zabaikal'e* [The Darasunskiy complex of archaeological sites. The eastern Transbaikalian region]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2000.
- Kiriushin Iu.F., Neverov S.V., Stepanova N.F. Kurgannyi mogil'nik Verkh-Elanda-I v Gornom Altae [The burial mound of Verkh-Elanda-I in Gornyy Altai]. In: *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni: Sb. statei. Otv. red. V.I. Molodin* [Archaeological studies on the Katun River: a collection of papers edited by V.I. Molodin]. Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 224–242.
- Konstantinov N.A., Ebel' A.V. Novye nakhodki mongol'skogo vremeni iz Iugo-Vostochnogo Altaia (predvaritel'noe soobshchenie) [New finds of the Mongolian period from South-

- East Altai (a preliminary report)], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2017, Vol. 2, pp. 22–29.
- Kocheev V.A. Pogrebenie II tys. n.e. u s. Elo [The burial site of the second millennium AC near the village of Elo]. In: *Arkheologicheskie issledovaniia v Gornom Altae: Sb. statei. Otv. red. A.S. Surazakov* [Archaeological studies in Gornyy Altai: a collection of papers edited by A.S. Surazakov]. Gorno-Altaysk: GANIIMaL, 1983, pp. 153–162.
- Kocheev V.A., Larin O.V., Khudiakov Iu.S. Okhrannye raskopki mogil'nika Mezhelek [The excavations of the burial ground of Mezhelek]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia: Sb. statei. Otv. red. Iu.F. Kiriushin* [The preservation and study of the cultural heritage of the Altai region: a collection of papers edited by Yu.F. Kiryushin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996, Vol. VII, pp. 150–153.
- Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The culture of ancient Turkic people in Altai (based on the materials from burial sites)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005.
- Kubarev G.V. Telengitskie pogrebeniia Iuzhnogo Altaia [The Telengit burial sites in South Altai]. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Sb. statei. Otv. red. A.P. Derevianko* [Issues of the archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and neighbouring territories: a collection of papers edited by A.P. Derevyanko]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2007, Vol. XIII, pp. 293–297.
- Kyzlasov I.L. Novyi vid pogrebal'nykh pamiatnikov Iuzhnoi Sibiri [The renewed appearance of the burial sites of Southern Siberia]. In: *Materialy po arkheologii Gornogo Altaia: Sb. statei. Otv. red. A.S. Surazakov* [Materials on the archaeology of Gornyy Altai: a collection of papers edited by A.S. Surazakov]. Gorno-Altaysk: GANIIMaL, 1986, pp. 100–129.
- Lkhagvasuren Kh. *Mongolyn arkheologi (Chinges khaany ue)* [The archaeology of Mongolia in the Genghis Khan period]. Ulaanbaatar: Chinges khaan deed surguuliin, 2007. (in Mongolian)
- Lkhagvasuren Kh. Istoriia izucheniia srednevekovykh (XII–XIV vv.) pogrebal'nykh kompleksov v Mongolii [The history of research on the medieval (12th to 14th century) burial complexes in Mongolia]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: Sb. statei. Otv. red. D. Erdenebaatar* [The ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: a collection of papers edited by D. Erdenebaatar]. Ulan-Bator: Izd-vo Mong. gos. un-ta, 2012, Vol. 3, no. 2, pp. 392–395.
- Malinovskaia N.V. Kolchany XIII–XIV vv. s kostianymi ornamentirovannymi obkladkami na territorii evraziiskikh stepei [13th to 14th century quivers with bone ornamented elements in the territory of Eurasian steppes]. In: *Goroda Povolzh'ia v srednie veka: Sb. statei. Otv. red. G.A. Fedorov-Davydov* [The cities of Povolzhie in the Middle Ages: a collection of papers edited by G.A. Fedorov-Davydov]. Moscow: Nauka, 1974, pp. 132–175.
- Mogil'nikov V.A. Tyurki [Turks]. In: Pletneva S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v ehposu srednevekov'ya* [Steppe of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow.: Nauka, 1981, pp. 28–43.
- Mogil'nikov V.A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh* [The nomads of the north-western foothills of Altai in the 9th to the 11th centuries]. Moscow: Nauka, 2002.
- Molodin V.I., Novikov A.V., Solov'ev A.I. Pogrebal'nye komplekсы drevnetiurkskogo vremeni mogil'nika Kal'dzhin-VIII [The burial complexes of the ancient Turkic period on the Kaldzhin-8 burial site], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2003, no. 2, pp. 71–86.
- Molodin V.I., Polos'mak N.V., Novikov A.V., Bogdanov E.S., Sliusarenko I.Iu., Cheremisin D.V. *Arkheologicheskie pamiatniki ploskogor'ia Ukok (Gornyy Altai)* [The archaeological sites of the Ukok plateau (Gornyy Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004.
- Molodin V.I., Solov'ev A.I. Pozdnee srednevekov'e [The Late Middle Ages]. In: *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny (Gornyy Altai): Sb. statei. Otv. red. V.I. Molodin* [The ancient cultures of the Bertekskaya valley (Gornyy Altai): a collection of papers edited by V.I. Molodin]. Novosibirsk: Nauka, 1994, pp. 152–156.

- Mongolyn ertnii bulsh orshuulga* [The ancient burial sites of Mongolia]. Ulaanbaatar: Mongol ulslyn shinzhlekhiikh akademi, 2016. (in Mongolian)
- Mönkhbaatar Ch., Pyrevdorzh G., Biambasyren Kh., Sykhbaatar B. Yzyr gyalangiin tyreg khadny orshuulgyn maltlaga sudalgaany ur'dchilsan yr dyngees [Preliminary results of the study of the Yzyr gyalan rock burial]. In: *Mönkhkhairkhan uul, Bulgan gol – Ikh ongogiin baigaliin tsogtsolbort gazar: Sb. statei. Otv. red. T. Lkhagvadorzh* [The Mönkhkhairkhan Mountain and the Bulgan River, the great national heritage: a collection of papers edited by T. Lkhagvadorzh]. Ulaanbaatar, 2016, pp. 164–187. (in Mongolian)
- Nesterov S.P. *Kon' v kul'takh tiurkoiazыchnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia* [The horse in the Central Asian Turkic-speaking peoples' cults in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990.
- Nesterov S.P., Miliutin K.I. *Srednevekovye pamiatniki pod goroi Karali-Iaryk* [Medieval sites under the Karali-Iaryk Mountain]. In: *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii: Sb. statei. Otv. red. A.M. Iliushin* [The military activity and medieval archaeology of Central Asia: a collection of papers edited by A.M. Ilyushin]. Kemerovo: Kuzbassvuzdat, 1995, pp. 156–177.
- Nikolaev V.S. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XIV vekakh: ust'-tal'kinskaya kul'tura* [Burial complexes of the nomads of Middle Siberia in the 12th to the 14th centuries: the ust-talkinskaya culture]. Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2004.
- Polos'mak N.V. «*Steregushchie zoloto grify*» (*ak-alakhinskie kurgany*) [‘The vultures guarding the gold’ (the ak-alakhinskie burial mounds)]. Novosibirsk: Nauka, 1994.
- Savinov D.G., Dluzhnevskaya G. *Pamiatniki drevnosti na dne Tuvinского моря* [Ancient objects at the bottom of the Tuva Sea]. St. Petersburg: IIMK RAN; SPbGU, 2007.
- Seregin N.N. *Vpusknye pogrebeniia tiurok Altaia i sopredel'nykh territorii* [The burial sites of the Turkic people of Altai and adjacent territories], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2016, no. 2 (14), pp. 37–47.
- Seregin N.N., Konstantinov N.A., Marsadolov L.S. *Vpusknoe zahoronenie mongol'skogo vremeni iz kompleksa Pazyryk (po materialam raskopok S.S. Sorokina v 1967 g.)* [Inlet burial of Mongolian period from Pazyryk complex (on materials of S.S. Sorokin's excavation in 1967)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2018, no. 3, pp. 96–107.
- Soenov V.I., Trifanova S.V., Vdovina T.A., Iazhankina S.I. *Srednevekovoe skal'noe zakhoronienie v Kamennom Logu* [The medieval rock burial site in Kamennyy Log]. In: *Drevnosti Altaia: Sb. statei. Otv. red. V.I. Soenov* [The antiquities of Altai: a collection of papers edited by V.I. Soenov]. Gorno-Altaysk: GAGU, 2002, no. 9, pp. 117–124.
- Tabaldiev K.Sh. *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tian'-Shania* [The burial mounds of the medieval nomad peoples of Tian-Shan]. Bishkek: Aibek, 1996.
- Tishkin A.A. *Materialy k izucheniiu sotsiogeneza naseleniia Gornogo Altaia mongol'skogo vremeni* [Materials for the study of the Gornyy Altai population's sociogenesis in the Mongolian period]. In: *Sotsiogenez v Severnoi Azii: Sb. statei. Otv. red. A.V. Kharinskii* [The sociogenesis of Northern Asia: a collection of papers edited by A.V. Kharinskii]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2005, Issue 1, pp. 317–322.
- Tishkin A.A. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arekhologicheskikh pamiatnikov)* [Altai in the Mongolian period (based on the materials from archaeological sites)]. Barnaul: Azbuka, 2009.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov v doline r. Biike (Gornyy Altai)* [A complex of archaeological sites in the Biike River valley (Gornyy Altai)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. *Kurgannyi mogil'nik Teleutskii Vzvoz-I i kul'tura naseleniia Lesostepnogo Altaia v mongol'skoe vremia* [The Teleut Vzvoz-I burial mound and the culture of the population in the forest-steppe Altai during the Mongolian period]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002.

- Tishkin A.A., Matrenin S.S. Vpusknye pogrebenii ia kochevnikov Altaia pozdnei drevnosti [The Altai nomads' burials in the late ancient period]. In: *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniï: Sb. statei. Otv. red. L.A. Chindina* [Culture as a system in the historical context: Western-Siberian archaeological and ethnographic meetings: a collection of papers edited by L.A. Chindina]. Tomsk: Agraf-Press, 2010, pp. 297–299.
- Tuvshinzhargal T., Baiarsaikhan Zh. Urd ulaan yneet uulyn khadny orshuulga: emeeliin tykhen khogzhliin asuudal [The Urd ulaan rock burial: issues in the study of the evolution of saddles], *Nuudelchdiin ov sudlal*, 2017, Vol. XVIII, pp. 79–93. (in Mongolian)
- Turbat Ts., Batsukh D., Batbaier T. Skal'noe zakhoronenie s muzykal'nym instrumentom v Mongol'skom Altae (predvaritel'nye otsenki) [The rock burial with a musical instrument in the Mongolian Altai (preliminary assessment)]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: Sb. statei. Otv. red. A.D. Tsybiktarov* [The ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: a collection of papers edited by A.D. Tsybiktarov]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2010, pp. 264–265.
- Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamiatniki* [The nomads of Eastern Europe under Golden Horde khans. Archaeological sites]. Moscow: MGU, 1966.
- Kharinskii A.V. *Priol'khon'e v srednie veka: pogrebal'nye komplekсы* [Priolkhonie in the Middle Ages: burial complexes]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2001.
- Kharinskii A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N., Nomokonov A.A., Litvintsev A.Iu. Mogil'nik Okoshki v Iugo-Vostochnom Zabaikal'e: strukturnye osobennosti [The Okoshki burial ground in the south-eastern Transbaikalian region: structural features]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: Sb. statei. Otv. red. D. Erdenebaatar* [The ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: a collection of papers edited by D. Erdenebaatar]. Ulan-Bator: Izd-vo Mong. gos. un-ta, 2012, Vol. 3, Issue 2, pp. 392–395.
- Khudiakov Iu.S. Tiurki i uigury v Minusinskoi kotlovine [The Turks and Uyghurs inhabiting the Minusinsk Depression] // *Etnokul'turnye protsessy v Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v I–II tysiacheletie n. e.: Sb. statei / Otv. red. A.I. Martynov*. Kemerovo: Izd-vo KemGU, 1994. S. 85–95.
- Khudiakov Iu.S. Pozdnesrednevekovoe vpusknoe pogrebenie na mogil'nike Kok-Edigan [The late medieval burial on the Kok-Edigan burial site]. In: *Altai i Tsentral'naia Aziia: kul'turno-istoricheskaia preemstvennost': Sb. statei. Otv. red. A.S. Surazakov* [Altai and Central Asia: cultural and historical continuity: a collection of papers edited by A.S. Surazakov]. Gorno-Altai: GAIGI, 1999, pp. 180–193.
- Khudiakov Iu.S., Kocheev V.A., Monosov V.M. Baltarganskies nakhodki [The Baltarganskies finds], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1996, no. 3, pp. 46–53.
- Khurelsukh S. Mongol nutakh dakh" aguin ertnii orshuulgyn sudalgaany baidal [Issues in the study of Mongolian rock burials], *Arkheologiin sudlal*, 2008, Vol. XXVI, pp. 293–310. (in Mongolian)
- Khurelsukh S. *Khadny orshuulgyn sudalgaany zarim asuudlal* [Major aspects of the study of rock burials]. Ulaanbaatar, 2012. (in Mongolian)
- Khurelsukh S., Munkhbaier L. Rashaantyn Am ba Tsankhiryn aguin orshuulguud [The rock burials of Rashaantyn Am and Tsankhiryn], *Acta Historica*, 2004, Vol. V, pp. 20–30. (In Mongolian)
- Ebel' A.V. Issledovaniia v urochishche Kara-Tal [Research done in the area of Kara-Tal]. In: *Polevyie issledovaniia v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae, 2011–2012 gg.: arkheologiiia, etnografiia, ustnaia istoriia: Sb. statei. Otv. red. M.A. Demin* [Field studies in the Upper Ob River region, the Irtysh River region and in Altai, 2011–2012: archaeology, ethnography, and oral history: a collection of papers edited by M.A. Demin]. Barnaul: Izd-vo AltGPA, 2013, Vol. 8, pp. 89–96.
- Erdenebat U. Egiin golyn savd maltsan mongol bulshny tukhaid [Burial complexes of the Mongolian period on the Egiin gol River], *Arkheologiin suudlal*, 1998, Vol. XVIII, pp. 135–152. (in Mongolian)

- Erdenebat U., Amartuvshin Ch. *Dugui Tsakhiryn khadny orshuulga (X–XII zuun)* [The rock burial of Dugui Tsakhir, 10th to 12th centuries]. Ulaanbaatar, 2010. (in Mongolian)
- Erdenebat U., Khyrelsykh S. Nartyn khadny orshuulga [The rock burial of Nartyn], *Arkheologiin sudlal*, 2007, Vol. XXIV, pp. 332–359. (in Mongolian)
- Iurchenko A.G. Srednevekovye mongol'skie pogrebeniia: sootnoshenie etnicheskogo i imper-skogo [Medieval Mongolian burial sites: the ethnic and the imperial]. In: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï: Sb. statei. Otv. red. A.A. Tishkin* [The theory and practice of archaeological research: a collection of papers edited by A.A. Tishkin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007, Vol. 3, pp. 159–176.
- Ahrens B., Piezonka H., Nomguunsuren G. Buried with his bow and arrows: The exceptional cave burial of a 14th century warrior at Tsagaan Khad mountain, Mongolia. In: *Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Vol. 3: Historical Period*. Ed. T. La. Huh-Hot: Museum of Inner Mongolia, 2015, pp. 683–692.
- Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A rock tomb of the ancient Turkic period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the oldest preserved horse-head fiddle in Mongolia – a preliminary report. In: *Current Archaeological Research in Mongolia*. Ed. J. Bemman. Bonn, 2009, pp. 365–383.